

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 2 ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Основные термины и понятия темы:

Идеальное в языке – энергия сознания (дух), энергия мышления (мысль), внутренняя форма.

Материальное в языке – звуки речи, графические знаки (буквы).

Биологическое в языке – биологический аналог языка в виде нейронных сетей мозга, физиологических структур и реакций организма.

Психическое в языке – внутренняя форма языка, состоящая из инвариантных единиц языка и их отношений.

Социальное в языке – система языка, сформировавшаяся под влиянием социума.

Индивидуальное в языке – совокупность особенностей речи отдельного носителя данного языка.

Язык-речь – естественно возникшая и закономерно развивающаяся понятийно-образная информационная система, обладающая социальной предназначенностью.

Речевая деятельность – каждый раз новое психофизиологическое, материальное воплощение структурного феномена языка-речи.

Мыслеформирующая функция языка – язык служит средством выражения и формирования мысли.

Номинативная функция языка – способность слова служить средством наименования предметов и явлений.

Коммуникативная функция языка – язык выступает универсальным средством общения людей.

Аккумулятивная функция языка – язык служит средством накопления общественного опыта и знаний, средством формирования и развития материальной и духовной культуры.

Вопросы для обсуждения:

1. Идеальное и материальное в языке.
2. Биологическое, социальное и индивидуальное в языке.
3. Язык, речь, речевая деятельность.
4. Функции языка.

Персоналии:

Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) – русский языковед, академик Петербургской Академии наук. Родился в Нарве. В 1887 г. окончил Московский университет. За “Исследования в области русской фонетики” (1893-1894) Шахматов получает докторскую степень. В 1909 г. он избран профессором Петербургского университета. С 1906 по 1920 возглавлял Отделение русского языка и словесности Академии наук. Наиболее известными его работами являются “Курс истории русского языка”, “Очерк древнейшего периода истории русского языка”, “Синтаксис русского языка”.

Лев Владимирович Щерба (1880-1944) – русский языковед, ученик Бодуэна де Куртенэ, академик АН СССР, академик АПН РСФСР. Окончил

Петербургский университет. В 1906-1909 гг. работал в Германии и Италии. Собранные во время командировки материалы оформляет в виде двух диссертаций – магистерской “Русские гласные в качественном и количественном отношении” и докторской “Восточнолужицкое наречие”. Наиболее важные работы: “О частях речи в русском языке”, “О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании”, “Фонетика французского языка”, “Опыт общей теории лексикографии”.

Филипп Федорович Фортунатов (1848-1914) – основатель и глава Московской лингвистической школы. Родился в Вологде, в семье учителя. Уже в раннем возрасте проявил интерес к изучению языка. В 1868 г. окончил Московский университет, его главным учителем был Ф. И. Буслаев. В 1871 г. Фортунатов был командирован на два года в Германию, Францию и Англию, где изучал древнеиндийские Веды. В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию, представляющую собой перевод на русский язык и комментарий одной из частей Вед – Самаведы. В 1876 г. начал читать лекции в Московском университете. В 1902 г. переехал в Петербург (после избрания его в 1898 г. действительным членом Академии наук), где руководил работой Отделения русского языка и словесности Академии наук и редактировал академические издания. Наиболее известными работами Фортунатова являются: “Сравнительное языковедение”, “Сравнительная фонетика индоевропейских языков”, “Сравнительная морфология”, “Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка”.

Александр Матвеевич Пешковский (1878-1933) – представитель Московской лингвистической школы. Родился в Томске. В 1906 г. окончил Московский университет. К числу наиболее известных работ в области общего языкознания относятся “Русский синтаксис в научном освещении” и “Понятие отдельного слова”. Много внимания уделял вопросам методики преподавания русского языка.

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. С какими вопросами связано понимание природы и сущности языка?
2. Укажите структуру идеального в языке.
3. Назовите материальные формы языка.
4. В чем состоит специфическая роль языка в отношении мысли?
5. Язык и мысль являются взаимосвязанными или тождественными понятиями? Почему?
6. Чем подтверждается многокомпонентность мышления человека?
7. Докажите, что язык представляет собой сложное сочетание духа и материи, содержания и формы, тайного и явного.
8. Как проявляется биологическое в языке?
9. Как проявляется социальное в языке?
10. Расскажите о социальной дифференциации языка.
11. Какими факторами определяются особенности индивидуального владения языком?

12. Как, по Ф. де Соссюру, соотносятся язык, речь и речевая деятельность?
13. В виде какой геометрической фигуры изображается идеальная (внутренняя) структура языка-речи? Как при этом соотносятся язык и речь, и что представляет собой в этом системно-структурном образовании речевая деятельность?
14. Какими свойствами характеризуется речевая деятельность как психофизический процесс?
15. Чем различаются речевая деятельность и система «язык-речь»?
16. Какие лингвистические единицы соответствуют языку, речи, речевой деятельности?
17. Назовите внутривидовые, общественные и частные функции языка.

Темы рефератов:

1. Язык и мышление.
2. Додекаэдрная структура слова.
3. Общественные функции языка.
4. Частные функции языка.
5. Экспрессивная функция языка и средства её выражения.

Литература

1. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 3-е изд. М., 2003.
2. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. 3-е изд. Минск, 2005.
3. Гируцкий А.А. Структура слова. Минск, 2005.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
5. Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983.
6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд. М., 2005.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1998.
8. Норман Б.Ю., Павленко Н.А. Введение в языкознание. Хрестоматия. 2-е изд. Минск, 1984.
9. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 2006.
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
11. Супрун А.Е. Лекции по языковедению. Минск, 1978.
12. Сусов И.П. Введение в языкознание. М., 2006.
13. Сцяцко П.У. Уводзіны ў мовазнаўства. Гродна, 2001.
14. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
15. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

**ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ТЕКСТ 4. А.Е. СУПРУН. ЯЗЫК – ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ
МЫШЛЕНИЯ**

* * *

Адам Евгеньевич Супрун (1928 – 1999)

А.Е. Супрун – белорусский лингвист, специалист в области теоретической и прикладной лингвистики. Окончил Киргизский университет и работал в нем в 1952 – 1966

гг. С 1966 г. до последних дней возглавлял кафедру теоретического и славянского языкознания в Белорусском государственном университете.

Исследовал историю, грамматику и лексику славянских языков, методику преподавания русского языка в национальной школе. Наиболее известными работами являются: «Славянские числительные» (1969), «Части речи в русском языке» (1971), «Полабский язык» (1987). «Старославянский язык» (1991), «Праславянский язык» (1993).

* * *

<...> Главное назначение языка – быть важнейшим средством человеческого общения; вместе с тем язык – это практическое, действительное сознание, непосредственная действительность мысли. С одной стороны, язык может служить средством общения, то есть средством обмена мыслями, постольку, поскольку мысли формируются именно в языковой форме. С другой стороны, формирование мыслей с помощью средств языка происходит постольку, поскольку это необходимо для передачи их другим лицам. Сознание человека возможно лишь как сознание общественного человека. Человек разумный, homo sapiens, невозможен вне общества. Исторически известные длительные Robinsonады кончались, как правило, если не гибелью, то одичанием человека, оставшегося вне общества, утратой им свойства разумности. В этом смысле интересно, что одним из проявлений такого одичания оказывается то, что человек «разучивается говорить», как Айртон, найденный герцами «Таинственного острова». Бывали случаи, когда ребенок, подобно Маугли, «воспитывался» дикими животными. Это вело к его крайне дефектному развитию во всех отношениях. Превращение Маленького Брата в Хозяина Джунглей в известной сказке Редьярда Киплинга было бы просто невыносимо, если бы он не общался, не разговаривал с окружающими обитателями тропического леса.

«Что значит, в сущности, «думать»? – рассуждал в своей «Творческой автобиографии» Альберт Эйнштейн. – Когда при восприятии ощущений, идущих от органов чувств, в воображении всплывают картины воспоминаний, то это еще не значит «думать». Когда эти картины становятся в ряд, каждый член которого пробуждает следующий, то и это еще не есть мышление. Но когда определенная картина встречается во многих таких рядах, то она в силу своего повторения начинает служить упорядочивающим элементом для таких рядов благодаря тому, что она связывает ряды, сами по себе лишенные связи. Такой элемент становится орудием, становится понятием. Мне кажется, что переход от свободных ассоциаций или «мечтаний» к мышлению характеризуется той более или менее доминирующей ролью, какую играет при этом «понятие». Само по себе не представляется необходимым, чтобы понятие соединилось с символом, действующим на органы чувств и воспроизводимым [со словом]; но если это имеет место, то мысль может быть сообщена другому лицу». Это обстоятельство весьма существенно: мышление = это не только индивидуальный процесс в сознании данного индивида, но это и часть общественного сознания, часть познания мира Человеком не как единицей, а

как представителем Общества. Вот почему, независимо от того, как происходит мышление у конкретного лица (а вполне вероятно, что мышление у людей в тех или иных обстоятельствах происходит по-разному), именно язык превращает мышление из внутреннего процесса индивида в процесс социальный.

<...> Язык материализует мысль. Движения воздуха или застывшие причудливые полосы краски на бумаге, которыми люди научились фиксировать сказанное или подуманное, намеченное к «сказыванию», останавливая таким способом мгновение речи, – не что иное, как материальное воплощение человеческого мышления. Но было бы неверным считать, что слова – просто одежда мыслей. Одежду можно снять, слова же представляют собой неотъемлемую часть мысли. Ведь слова – не только колебания воздуха или следы чернил на бумаге. Мы уже говорили, как воспринимаются такие слова, лишенные для слушающего смысла. Слово – это единство звучания и значения, единство плана выражения и плана содержания. Без содержания нет слова, нет факта языка. Языковой факт обязательно обладает содержательной стороной. Освободить мысль от содержания, вероятно, никому и в голову не придет.

<...> Каждое слово вбирает в себя опыт людей, становится сгустком этого опыта, который и превращается в орудие мысли следующих поколений. <...>

Один из создателей квантовой физики, Макс Планк, писал, говоря о развитии физики: «Слово «сила» первоначально, без сомнения, означало человеческую силу, соответственно тому обстоятельству, что первые и старейшие машины – рычаг, блок, винт – приводились в движение человеком или животным. Отсюда следует, что понятие о силе первоначально возникало из силового или мускульного чувства, т. е. из определенного чувственного ощущения. Но из современного определения силы чувственное ощущение так же исключено, как цветное ощущение из физического определения цвета». Это – еще один пример отражения в слове, на этот раз в физическом термине, долгого умственного пути познания явления действительного мира. В слове отражается огромная познавательная работа человеческого мышления. <...>

<...> Вероятно, именно обобщающая сила языка объясняет то, что «когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи» (П.Л. Капица). Поиск формы выражения не есть внешний по отношению к мышлению процесс, поиск ясной формы – это продолжение мышления, это оттачивание самой мысли, что, естественно, ведет не только к большей четкости, но и к большей содержательности мысли, а следовательно, обогащает ее. Возможным такое обобщение становится в результате слияния закрепленных в языке познавательных усилий предшествующих поколений и познавательной деятельности современного человека, в частности ученого, ищущего емкую и точную формулировку своей мысли.

Определенным обобщением является и внешняя сторона языка – план выражения. Ведь мы достаточно четко можем представить себе, что каждый звук речи в зависимости от положения в слове, от тембра голоса данного человека, в зависимости от силы голоса, от целого ряда факторов (включая наличие или отсутствие насморка у говорящего и акустику помещения) имеет свою, специфическую окраску, подобно тому как и буква имеет огромное множество начертаний, зависящих от цвета чернил, от пишущего аппарата, от индивидуального почерка, от бумаги, на которой она написана, и еще от множества других явлений. А человек обычно способен, отменяя несущественные в данном случае признаки, воспринять звук или букву именно так, как это соответствовало замыслу говорящего или пишущего. Значит, в нашем сознании существует некоторый идеальный образ звука или буквы (фонема или графема), представляющий собой определенную абстракцию в плане выражения. <...>

<...> Подчеркивая роль языка как важнейшего элемента мышления, не следует вместе с тем абсолютизировать его значение. Язык, речь являются производными, вторичными по сравнению с целенаправленной деятельностью. Искони было не слово, а дело. Язык фиксирует достижения мысли, но не предопределяет их, не предшествует познанию. Чтоб закрепить какие-то достижения, попросту говоря, надежды, чтобы было что закреплять. Но если некоторое достижение практического разума уже имеется, его закрепление в языке позволяет перейти к новым достижениям, уже базирующемся не только на индивидуальном познании, но и на выкристаллизовавшемся в языке опыте поколений. Не с этим ли связана та особенность некоторых детей на втором году жизни, когда они прекращают свою неразвитую речевую деятельность, чтобы потом вдруг «сразу» по-настоящему заговорить, напоив, видимо, опыт познания действительности и познания языка? Первоначальное накопление довольно примитивного, но уже человеческого опыта сменяется освоением языка, что позволяет сделать дальнейший скачок в познании, расширяющий узкий опыт маленького человека. Но познание мира далее требует соединения опыта с получаемой извне информацией. Едва ли можно чему-то научить, если слову не будет сопутствовать деятельность. Язык – элемент мысли, ее непосредственная действительность, мышление может совершаться в языковых формах, но материалом для мышления служит познание внешнего мира.

<...> Заслуживает обсуждения еще один момент, связанный с формулировкой «язык – основной элемент мышления». Указание на то, что язык – основной элемент мышления, свидетельствует о наличии других элементов мышления. Языковое (словесное, вербальное) мышление не является единственным способом мышления, хотя и основным. С одной стороны, образное художественное мышление, мышление композитора или художника, безусловно, представляет собой высшие формы мышления, принципиально отличающиеся от мышления животных. Хотя краски и имеют свои словесные названия, как и ноты, было бы по меньшей мере

наивно думать, что мышление композитора художника протекает в словесной форме или даже хотя бы включает обязательные словесные элементы. Художественное отражение действительности может происходить и без словесных элементов. С другой стороны, такая форма мышления, как математическое, техническое мышление, также отнюдь не сводимо, видимо, к словесным формам. При этом если для математики или для музыки можно еще представить себе тот синкретический этап мышления, когда слово и несловесный элемент мышления были практически неотделимы, то для мышления отобразительного, например мышления скульптора, а может быть, и для мышления математика-тополога или шахматиста не обязательно словесное мышление и как некоторый предыдущий этап развития. Этим, однако не снимается первенство языковой формы мышления, поскольку названные формы мыслительного отражения и «переработки» действительности не являются основными, такими, которыми пользуется каждый человек (в том числе художник и математик) во всей жизни и деятельности.

Следует иметь в виду и еще одно важное обстоятельство, подтверждающее, что словесное мышление не является единственным. Если художественное или математическое мышление в некоторых случаях как бы ограничивают словесные пределы человеческого мышления в высших его проявлениях сверху, то нельзя упускать из виду и «ограничение» снизу. Речь идет об этапах формирования мысли в обычных условиях. По мнению некоторых специалистов (например, Б.А. Серебrenникова), на каком-то раннем этапе, на этапе формирования замысла будущего высказывания в сознании испытуемых еще не возникает слово. Наука, видимо, не может еще дать твердого ответа на вопрос о том, не присутствует ли и на этом этапе некоторый намек на слово, след слова некоторый сокращенный аналог слова, его образ, необходимый, например, для формирования общей структуры предложения.

<...> Нет сомнений в том, что происходит развитие и музыкального искусства, и математики, и шахматной мысли, и прочих видов несловесного мышления. Но нет сомнений и в том, что если подойти к человеческому мышлению как к сложному комплексу, жизнь и развитие которого составляют нечто целое, то языковое мышление займет в этом комплексе стержневое место, способное в значительной мере объединить различные достижения человеческой мысли и продвинуть их вперед.

Показательно в этом смысле признание крупнейшего французского физика Луи де Бройля: «В силу своей строгой дедуктивности математический язык позволяет детально описать уже полученные интеллектуальные ценности; но он не позволяет получить что-либо новое... Лишь обычный язык, поскольку он более гибок, более богат оттенками и более емок при всей своей относительной неточности по сравнению со строгим символическим языком, позволяет формулировать истинно новые идеи и оправдывать их введение путем наводящих соображений или

аналогий». Таким образом, язык играет очень значительную роль в познании.
<...>

(Супрун А.Е. Лекции по языковедению. Мн., 1978. С. 5-24.)

ТЕКСТ 5. Ф. ДЕ СОССЮР. ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

* * *

Фердинанд де Соссюр (1857 – 1913)

Фердинанд де Соссюр – швейцарский лингвист. Родился в Женеве, в семье ученых. В 1879 г. напечатал известную книгу “Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках”. В 1878-1879 гг. Соссюр обучается в Берлинском университете. В феврале 1880 г. в Лейпциге защитил докторскую диссертацию “Родительный абсолютный в санскрите”. В последующие годы Соссюр читает лекции в Париже. В 1891 г. он возвращается в Женевский университет, где затем становится профессором санскрита и сравнительной грамматики индоевропейских языков. В 1906 г. Соссюр получил кафедру общего языкознания. В 1906-1911 гг. три раза прочел курс общего языкознания, который слушали Ш. Балли и А. Сеше. Прочитанные Соссюром курсы по общему языкознанию были после его смерти изданы по своим записям лекций Ш. Балли и А. Сеше в 1916 г. под названием “Курс общей лингвистики”. Эта книга получила мировую известность своей оригинальной концепцией и оказала большое влияние на становление разнообразных направлений лингвистики XX века.

* * *

§ 1. Определение языка

<...> 3. У речевой деятельности есть две стороны: индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой.

В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление (*institution actuelle*) и продукт прошлого. На первый взгляд различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности то и другое так тесно связано между собой, что разъединить их весьма затруднительно. Не упрощается ли проблема, если рассматривать речевую деятельность в самом ее возникновении, если, например, начать с изучения речевой деятельности ребенка? Нисколько, ибо величайшим заблуждением является мысль, будто в отношении речевой деятельности проблема возникновения отлична от проблемы постоянной обусловленности. Таким образом, мы продолжаем оставаться в том же порочном кругу.

Итак, с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объект не дан нам во всей целостности; всюду мы натываемся на ту же дилемму: либо мы сосредоточиваемся на одной лишь стороне каждой проблемы, тем самым рискуя не уловить присущей ей двусторонности, либо, если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т. д., которые мы строго ограничиваем от

лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как один из своих объектов.

По нашему мнению, есть только один выход из всех этих затруднений: *надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (porte) для всех прочих проявлений речевой деятельности.* Действительно, среди множества двусторонних явлений только язык, по-видимому, допускает независимое (autonome) определение и дает надежную опору для мысли.

Но что же такое язык? По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сама по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым зносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации.

На это выдвинутое нами положение об отправном начале классификации, казалось, можно было бы возразить, утверждая, что осуществление речевой деятельности покоится на способности, присущей нам от природы, тогда как язык есть нечто усвоенное и условное, и что, следовательно, язык должен занимать подчиненное положение по отношению к природному инстинкту, а не стоять над ним.

Вот что можно ответить на это.

Прежде всего, вовсе не доказано, что речевая деятельность в той форме, в какой она проявляется, когда мы говорим, есть нечто вполне естественное, иначе говоря, что наши органы речи предназначены для говорения точно так же, как наши ноги для ходьбы. Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто из соображения удобства; люди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых. Несомненно, такой тезис чересчур абсолютен: язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим; кроме того, Уитни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор

лишь случайно остановился на органах речи: ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой. <...>

Положение это может быть подкреплено путем определения того, что разуметь под *членораздельной речью* (*language articulé*). По-латыни *articulus* означает «составная часть», «член(ение)»; в отношении речевой деятельности членораздельность может означать либо членение звуковой цепочки на слоги, либо членение цепочки значений на значимые единицы; в этом именно смысле по-немецки и говорят *gegliederte Sprache*. Придерживаясь этого второго определения, можно было бы сказать, что естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parlé*), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям.

Брокá открыл, что способность говорить локализована в третьей лобной извилине левого полушария большого мозга; и на это открытие пытались опереться, чтобы приписать речевой деятельности естественно-научный характер. Но как известно, эта локализация была установлена в отношении *всего*, имеющего отношение к речевой деятельности, включая письмо; исходя из этого, а также из наблюдений, сделанных относительно различных видов афазии в результате повреждения этих центров локализации, можно, по-видимому, допустить: 1) что различные расстройства устной речи разнообразными путями неразрывно связаны с расстройствами письменной речи и 2) что во всех случаях афазии или аграфии нарушается не только способность произносить те или иные звуки или писать те или иные знаки, сколько способность любыми средствами вызывать в сознании знаки упорядоченной речевой деятельности. Все это приводит нас к предположению, что над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет этими знаками и которая и есть языковая способность по преимуществу. Таким путем мы приходим к тому же заключению, к какому пришли раньше.

Наконец, в доказательство необходимости начинать изучение речевой деятельности именно с языка можно привести и тот аргумент, что способность (безразлично, естественная она или нет) артикулировать слова осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставляемого коллективом. Поэтому нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык.

§ 2. Место языка в явлениях речевой деятельности

<...> У всех лиц, общающихся... с помощью речевой деятельности, неизбежно происходит известного рода выравнивание: все они воспроизводят, хотя, конечно, и не вполне одинаково, примерно одни и те же знаки, связывая их с одними и теми же понятиями.

Какова причина этой социальной «кристаллизации»? Какая из частей речевого акта может быть ответственна за это? Ведь весьма вероятно, что не все они принимают в этом одинаковое участие.

Физическая часть может быть отвергнута сразу. Когда мы слышим разговор на незнакомом нам языке, мы, правда, слышим звуки, но вследствие непонимания того, что говорится, сказанное не составляет для нас социального факта.

Психическая часть речевого акта также мало участвует в «кристаллизации»; ее исполнительная сторона остается вообще непричастной к этому, ибо исполнение никогда не производится коллективом; оно всегда индивидуально, и здесь всецело распоряжается индивид; мы будем называть это *речью*.

Формирование у говорящих примерно одинаковых для всех психических образов обусловлено функционированием рецептивной и координативной способностей. Как же надо представлять себе этот социальный продукт, чтобы язык вполне выделился, обособившись от всего прочего? Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе.

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного.

Язык не деятельность (*function*) говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность, о которой речь будет идти ниже...

Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (*code*) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации.

Следует заметить, что мы занимаемся определением предметов, а не слов; поэтому установленные нами различия ничуть не страдают от некоторых двусмысленных терминов, не вполне соответствующих друг другу в различных языках. Так, немецкое *Sprache* соответствует французскому *langue* «язык» и *langage* «речевая деятельность»; нем. *Rede* приблизительно соответствует французскому *parole* «речь»; однако в нем. *Rede* содержится дополнительное значение: «ораторская речь» (= франц. *discours*); латинское *sermo* означает скорее и *langage* «речевая деятельность» и *parole* «речь», тогда как *lingua* означает *langue* «язык» и т. д. Ни для одного из определенных выше понятий невозможно указать точно соответствующее ему слово, поэтому-то определять слова абсолютно бесполезно; плохо, когда при определении вещей исходят из слов.

Резюмируем теперь основные свойства языка:

1. Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке ... речевого акта, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу. Язык до такой степени есть нечто вполне особое, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки.

2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту.

3. В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны.

4. Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они – не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу. Более того, знаки языка, так сказать, осязаемы: на письме они могут фиксироваться посредством условных написаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фотографировать акты речи; произнесение самого короткого слова представляет собою бесчисленное множество мускульных движений, которые чрезвычайно трудно познать и изобразить. В языке же, напротив, не существует ничего, кроме акустического образа, который может быть передан посредством определенного зрительного образа. В самом деле, если отвлечься от множества отдельных движений, необходимых для реализации акустического образа в речи, всякий акустический образ оказывается, как мы далее увидим, лишь суммой ограниченного числа элементов, или фонем, которые в свою очередь можно изобразить на письме при помощи соответственного числа знаков. Именно возможность фиксировать явления языка позволяет сделать словарь и грамматику верным изображением его: ведь язык – это сокровищница акустических образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму.

(Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 46-53.)

ТЕКСТ 6. Т. МИЛЕВСКИЙ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА

* * *

Милевский Тадеуш (1906 –1966)

Польский языковед, с 1964 г. профессор общего языкознания Ягеллонского университета в Кракове. Занимался исследованием славянских языков, индейских языков Америки, хеттским и старопрусским, в области общего языкознания – главным образом вопросами типологии языков. Важнейшие работы : «Индо-хеттский и индоевропейский» (1936), «Очерк общего языкознания» (ч. I. Теория языкознания – 1947, ч. II. Размещение языков – 1948), «Предпосылки типологического языкознания» (1963), «Языкознание» (1965). <...>

* * *

Глава I. Определение языка

Языкознание – это наука о языке, но чтобы уяснить себе сущность этой дисциплины, необходимо определить, что такое язык. Речь людей, живущих в разных странах, мы иногда понимаем, а иногда – нет. Это приводит нас к мысли, что люди, которых мы не понимаем, воспитывались в другой общественной среде и говорят на унаследованном ими от предков, отличном от нашего языке. Без общего языка не может быть понятной речи. Язык входит в состав речи и реализуется в ней. Исходя из этого, языком следует называть наиболее общие, устойчивые и абстрактные элементы речи. Кроме языка, однако, на речь влияют и некоторые другие факторы.

Человеческая речь в своем наиболее важном и определенном выражении представляет собой процесс звукового общения двух людей, из которых один что-то сообщает другому. Процесс общения с этой точки зрения состоит из нескольких фаз. Обязательным является прежде всего акт речи, осуществляемый одной из общающихся сторон. Речь поэтому можно определить как процесс индивидуальный. Он включает в себя психические процессы, происходящие в сознании отправителя речи и состоящие в возникновении в сознании известных понятий, сочетающихся с определенными звуковыми представлениями. Кроме того, в процесс речи входят и движения, выполняемые органами речи человека, в том числе, легкими, голосовыми связками, языком, мягким нёбом и губами.

Акт речи является первой, основной фазой процесса речи. Вторая ее необходимая фаза – это восприятие слов отправителя получателем речи, слушателем. Воздушная волна, возбуждаемая говорящим, достигает уха слушателя, и здесь с помощью барабанной перепонки и других органов создает впечатление звука в его психике. Звуковые волны в свою очередь возбуждают в психике получателя связь с понятийным содержанием, аналогичным тому, которое было в психике отправителя в момент его речи. Понимание поэтому следует определить как процесс коллективный. Если акт речи может быть осуществлен при наличии только одного лица как его монолог, то понимание обязательно подразумевает наличие по крайней мере двух разговаривающих лиц.

Третьей фазой речевого процесса, наступающей вслед за актом речи и ее восприятием, является текст. То, что воспринимает слушающий, откладывается в его сознании в виде некоторой целостности, и именно этот

продукт произношения и понимания и есть текст. Особенность заключается в том, что он может существовать до известной степени независимо от тех процессов, которые его породили, уже после их окончания. Этой особенностью текст обладает потому, что он является произведением, продуктом. Тексты сохраняются в памяти как ряды слов вместе с их понятийным содержанием и всеми связанными с ним подробностями. Некоторые тексты (например, древнеиндийские гимны Ригведы) жили в памяти людей в неизменном виде на протяжении сотен лет. Лучшей формой сохранения текстов является их запись. Самые древние из текстов, которые сохранила нам письменность, древнеегипетские иероглифы района Нила и так называемое клинописное письмо долины Евфрата, насчитывают уже по 5000 лет. В XX веке появились новые способы сохранения текстов – воспроизведение их с помощью патефонных пластинок и магнитофонной записи.

Вслед за актом речи, ее восприятием и образованием текста следующей фазой речи становится язык – обобществленный и абстрагированный продукт речевого процесса. Тексты могут репродуцироваться, но они не могут стать непосредственной основой образования новых текстов в определенной языковой среде. Возможность повторения заученных текстов еще нельзя считать овладением языком. Об овладении языком можно говорить только тогда, когда из большого количества знакомых предложений нам удастся абстрагировать отдельные слова и грамматические правила, т. е. именно то, что является языком. Свидетельством успешного выполнения этой задачи является возможность образования из выделенных элементов новых предложений, понятных и не противоречивых по форме. К языку мы приходим, таким образом, путем отвлечения его элементов в гармоническую систему. Очень сходная, если не идентичная языковая система, существует в психике других представителей народа, к которому мы принадлежим; она существовала также в психике представителей предшествующих поколений, прежде всего наших родителей и воспитателей. Кроме того, язык сохраняется в качестве компонента в открытых и записанных текстах. Примером может служить хеттский язык, существовавший в Малой Азии во втором тысячелетии до нашей эры, и никому уже неизвестный по прошествии трех тысяч лет. Однако в первой половине XX века хеттский язык был выделен учеными из ранее открытых клинописных текстов. Следовательно, хеттский язык должен был каким-то образом существовать в этих текстах, коль скоро его оттуда удалось выделить.

Благодаря тому, что язык существует в очень сходном виде в психике многих людей, а кроме того, сохраняется в текстах, он является созданием на индивидуальным, коллективным, общей системой правил, которым должны подчиняться все, чтобы сохранить возможность взаимопонимания. Язык является также компонентом речи и характеризуется тремя признаками, а именно тем, что он коллективен (в отличие от индивидуального акта речи), что он является созданием и может длительно существовать во времени (в

отличие от индивидуального акта речи) и, наконец, тем, что он представляет собой абстракцию (в противоположность конкретности тех произведений, какими являются тексты). Общественный характер языка проявляется в том, что он представляет собой систему слов и грамматических правил, нормирующих процесс речи, и тем самым обеспечивает возможность взаимопонимания между всеми членами данного коллектива. Язык является созданием, так как он не претерпевает серьезных изменений на протяжении веков и не зависит от переворотов в общественной жизни. Отвлеченным (абстрактным) по характеру язык является потому, что грамматические правила и слова не связаны с отдельными конкретными явлениями, а относятся к целым классам их (например, конь вообще, идти вообще) или к общим отношениям между ними (например, отношение подлежащего к сказуемому).

<...> Четыре фазы процесса речи возникают одна из другой и сами на себя опираются. Абстрактная система общих норм, которую представляет собой язык, является основой речевого процесса, в ходе которого выражаются индивидуальные и конкретные мысли и чувства. Поскольку, однако, понятийное содержание в индивидуальной речи выражается в соответствии с нормами общего языка, индивидуальная речь становится базой для взаимопонимания членов коллектива. Четыре фазы речевого процесса, следующие одна за другой, образуют замкнутый круг и взаимопроникают, так что точное определение положения языка во всей совокупности речи возможно только путем установления различий между знаками разного рода.

(Милевский Т. Определение языка // Косовский Б.И. Общее языкознание. Хрестоматия. Мн., 1976. С. 78-88.)